

Л. С. Старикова

Художественное воплощение принципов новой прозы В. Шаламова в цикле «Воскрешение лиственницы»

Цель статьи – сравнить обозначенные В. Т. Шаламовым принципы новой прозы с их непосредственным воплощением в цикле «Воскрешение лиственницы». Материалом послужили эссе «О прозе» (1965) и «О <новой> прозе» (б.г.) и цикл рассказов «Воскрешение лиственницы» (1965–1967). Применен компаративистский метод с включением герменевтического подхода для интерпретации художественных образов и мотивных структур. Обозначены и прокомментированы основные принципы новой прозы писателя: достоверность; деталь-символ, деталь-знак; изображение/исследование новых психологических закономерностей; сюжетная законченность, композиционная цельность; отказ от дидактизма; связь жизни и литературы (искусства, культуры); а также прием анти-катарсис, или пуант. Для демонстрации указанных принципов новой прозы проанализирован рассказ «Тишина». Сделан вывод, что все принципы новой прозы В. Т. Шаламова в той или иной мере реализовались на практике в цикле «Воскрешение лиственницы». Установлено, что своим методом писатель приближается в некотором смысле к мемуарной и документальной прозе. При этом его рассказы остаются художественными произведениями, выполненными в особом авторском стиле, совместившем эффект присутствия личного документа и его психологическое переживание через автобиографическое повествование.

Ключевые слова: принципы новой прозы, лагерная проза, творческий метод, психологизм, документальность, Варлам Шаламов, цикл «Воскрешение лиственницы».

Для цитирования: Старикова Л. С. Художественное воплощение принципов новой прозы В. Шаламова в цикле «Воскрешение лиственницы» // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 3. – С. 44–59. DOI: 10.35231/25419803_2023_3_44. EDN: JYLSHK

Соотнесение теории и ее реализации в художественном творчестве создателя – весьма интересный и не теряющий актуальности вектор литературоведческих исследований. И. Н. Сухих, рассуждая о теории и практике новой прозы В. Т. Шаламова, пишет, что текст и его автометаинтерпретация не обязательно должны соотноситься, их контрапункт требует исследовательского внимания [18].

Цикл «Воскрешение лиственницы» как объект исследования интересен своим замыслом, быстрым воплощением, а также метафоричностью названия: мотив воскрешения и образ лиственницы являются одними из центральных в цикле. В момент написания рассказов В. Т. Шаламов уже рефлексировал, осмыслял, интерпретировал как свой жизненный опыт, так и свое творчество. Эссе «О прозе» автор создает в 1965 г. – в год начала создания «Воскрешения лиственницы» (один рассказ из цикла – 1965 г., остальные 1966–1967 гг.), и можно предположить, что в данном цикле он максимально по времени придерживался выдвинутых им принципов.

Е. В. Волкова, анализируя цельность и вариативность циклов В. Т. Шаламова, отмечает, что цикл «Воскрешение лиственницы» отличается от предыдущих, содержит принципиально новое, прежние мотивы углубляются и варьируются, появляются образы русской истории за последние триста лет [4]. А именно, писатель стал не так категоричен и более свободен в оценках времени и реальных людей, например, Э. Берзина (рассказ «У стремени» рассмотрен В. В. Есиповым [10]), появился полемизм, возникают уподобления, не свойственные прежним новеллам, входит тема связи библейской тайны с современностью. Наряду с прежними мотивами, такими как взаимообратимость жизни и смерти, появляются мотивы воскрешения души, близости ко всему живому, мысли о близости конкретного и уходящего в вечность. Как свойство большого художника, «слушавшего не рационально-теоретические выкладки, а живую жизнь и ее тайны», Е. В. Волкова отмечает шаламовскую поразительную противоречивость, антиномичность, амбивалентность и поливалентность [4].

Цель данной статьи – сравнить обозначенные В. Т. Шаламовым принципы новой прозы с их непосредственным воплощением в цикле «Воскрешение лиственницы».

Материалы и методы

Материалом послужили эссе В. Т. Шаламова «О прозе» (1965) и «О <новой> прозе» (б. г.) и цикл рассказов «Воскрешение лиственницы» (1965–1967). В работе применен компаративистский метод с включением герменевтического подхода для интерпретации художественных образов и мотивных структур.

Результаты

Метод В. Т. Шаламова называли по-разному: документальный реализм, экзистенциальный документализм, документ собственной души [11]; новая стратегия письма, новая эстетика прозы, письмо, которое рождается в мире «пост» [2]; документ литературного новаторства [15]; литература факта [24]; философская проза [16]. Превалируют такие характеристики, как новаторство и документальность, последнюю сам писатель назвал главной в новой прозе, которая повлияла в дальнейшем на развитие «другой» прозы и постмодернизма.

Исследователи признают новаторский художественный метод В. Т. Шаламова, хотя при этом не раз фиксировали противоречия между теорией писателя и воплощением ее в художественных формах. Писатель создал литературу как документ, чтобы ярче отразить в ней «живую жизнь» (выражение В. Т. Шаламова). Его рассказы – не исторический документ архива, они являются художественной литературой, но все в них – достоверные факты того времени, поэтому мы видим мало дат или хронологии. Но это не важно, так как он отразил суть времени, его ауру, рассказал правду о человеке, как он жил и справлялся в той ситуации, в которую поставило его время лагерей. По выражению М. А. Золотоносова, чтобы сообщить о людях с вывернутым наизнанку, экстериоризованным подсознанием, писатель пытался создать новую эстетику, исключая всякие элементы вымысла и фантазии [12].

Исследователи уже обращались к анализу метода писателя, который, по мнению Е. Михайлик, произвел незамеченную революцию в литературе [14]. Как отмечают В. П. Римский и О. Н. Римская, «Шаламов прозрел будущий успех в начале нового столетия жанра нон-фикшн (без вымысла)» [16, с. 51]. Так, Н. В. Ганущак и М. В. Цветкова отмечают пять особенностей новой прозы: 1) искусство лишено права на проповедь; 2) текст должен создаваться по принципу «сразу набело»; 3) содержание и форма есть одно и то же; 4) чувство – определяющая категория новой прозы; 5) новая проза как рассказ, не отличимый от документа [5]. И. Н. Сухих упоминает сюжетность; краткость; новизну и точность подробностей; деталь-символ, деталь-знак, переводящие весь рассказ в иной план, дающие подтекст; новеллу как жанровую доминанту новой прозы [18].

Логичны рассуждения Д. В. Грицаенко о лагерной и новой прозе (Варлам Шаламов – «лагерная» или «новая» проза) [7]. Но, на наш взгляд, не стоит ставить «или», их соотношение уместилось в циклах рассказов В. Шаламова: лагерная тематика – это материал (как и отмечал писатель), а новая проза – тот метод, который он привнес в литературу, и он не обязательно должен быть только в лагерной прозе.

Обратимся к эссе В. Т. Шаламова «О прозе» [22] и последовательно отметим признаки новой прозы и их отражение в цикле «Воскрешение лиственницы».

1. Достоверность [22, с. 149]. Автор – не свидетель, а участник «живой жизни» [22, с. 144], «драмы жизни» [22, с. 151]. «Эффектом присутствия» он завоевывает доверие читателя, а правда («собственная кровь, собственная судьба» [22, с. 146]) – основа новой прозы, «преображенная действительность, преобразенный документ» [22, с. 153] и, соответственно, преодоление лагерного материала.

Это особое понимание достоверности как достоверности *пережитых ощущений* [6]. Переживания, личный опыт запредельных испытаний становятся документом чувств для читателей [11], что неразрывно связано с адекватным выбором художественного воплощения и сюжета жизненного материала. С. М. Соловьев отмечает: «Сам Шаламов не раз писал о документальности своей прозы, но понимал он ее не как скрупулезное описание фактов, а как основанную на реальных событиях демонстрацию чудовищного положения человека в нечеловеческой ситуации» [17, с. 141].

Данный принцип находит свое продолжение уже в интерпретации исследователей как соединение документальности и художественности, что соотносит его стиль с жанрами мемуаров и автобиографий. По выражению В. В. Есипова, это обусловило художественную неповторимость прозы В. Т. Шаламова, синтез non-fiction и fiction – документа и одновременно за-документа [9]. Продолжением воплощения предшествующих литературных традиций и стремления к их преодолению [1, с. 35] является взаимовлияние литературы и жизни, что отражается, по нашему мнению, в используемых автором метатекстовых приемах (в художественном хронотопе, тексте в тексте) и богатых интертекстуальных отсылках.

Помня о почти параллельности написания эссе «О прозе» и цикла «Воскрешение лиственницы», неслучайным считаем то, что весь цикл завершается главной формулой о живой жизни в новой прозе. Произведение тем самым становится данью не только памяти о погибших, но и данью самой жизни. А в последней фразе – «не как память о прошлом, но как живую жизнь» [20, с. 280] – звучит почти то же самое значение, заложенное В. Шаламовым в теории: «Новая проза – само событие, бой, а не его описание» [23, с. 157].

2. Деталь-символ, деталь-знак. Образы-символы пронизывают весь цикл «Воскрешение лиственницы», многие рассказы названы одним словом-знаком, соотносящимся с заглавием рассказа: тропа, лиственница, графит. За ними следует комплекс мотивов и значений. Тропа – дорога жизни и дорога творчества. Лиственница – образ воскрешения, чуда жизни и вечности, она тоже свидетельница событий и хранитель памяти. Графит – способ сохранить память и способ творить (записывать стихи), нетленный инструмент (изготовленный из лиственницы), призванный сохранить память обо всем живом: «Искусственный карандаш, химический карандаш не годится для записей о вечности, о бессмертии. Но графит... может записать все, что знал и видел... Большее чудо, чем алмаз, хотя химическая природа и графита, и алмаза – одна» [20; с. 107–108] (рассказ «Графит»).

Даже одна небольшая деталь подчинена большому замыслу писателя и вскрывает целый пласт значений: «Бирка на ноге – это признак культуры» [20, с. 110]. На бирке – имя человека (в противоположность этому ставится безымянность многих людей в лагере, как и самих героев, о чем упоминается и в эссе «О прозе»), это память о человеке (память – один из важнейших мотивов в цикле), это тайна смерти (на бирке написана ее причина). И прежде всего бирка – документ, свидетельство с номером, который написан графитом. Образ одновременно конкретный, личный (в восприятии) и общий, универсальный. Многие образы конкретны, как графит и лиственница, но при этом ведут за собой мотивную структуру цикла: мотивы памяти, чуда и воскрешения. Относительно этой цитаты можно вспомнить и особое свойство творчества В. Т. Шаламова – проверку культуры и человечности лагерем.

3. Изображение/исследование новых психологических закономерностей, нового в поведении человека, низведенного до уровня животного [22; с. 147–148]. Данный принцип – важнейший в предлагаемой писателем эстетике и реализуется в каждом рассказе. Поэтому есть рассказы, не вписанные в лагерную хронологию, где пространство – не лагерь. Ведь сама ситуация подразумевает весь мир, лагерь – образ мира, а лагерная тема – лишь материал.

Принцип психологизма отмечают и многие исследователи, анализируя экзистенциальные условия описания человека, его опыта и поведения на границе жизни/смерти, в частности, мы также видим это как философское осмысление человека в ситуации несвободы (экзистенциальная ситуация), событий постфактум, рефлексивность творчества, способ пережить их через творчество. К данному пункту стоит отнести и то особое эмоциональное воздействие на читателя, которое оказывает проза В. Т. Шаламова [24]. Это психологизм, направленный на читателя, тот отклик, который у него должна вызвать новая проза. Параллель с мотивами цикла «Воскрешение лиственницы» видится в цитате из эссе «О прозе»: «Важно воскресить чувство. Чувство должно вернуться, побеждая контроль времени, изменение оценок. Только при этом условии возможно воскресить жизнь» [22, с. 152]. В этом контексте интересно выглядит мысль И. Н. Сухих: «Постоянно обнаруживая событийность в этом мертвом мире, Шаламов-новеллист корректирует собственные воспоминания и сентенции. Живая жизнь пульсирует и в этом мертвом мире» [18]. Своей рефлексией и переосмыслением прошлого писатель тем самым воскрешает мертвый мир лагеря. Здесь можно вспомнить упоминавшийся ранее полемизм и отход от категоричности в цикле «Воскрешение лиственницы».

4. Сюжетная законченность, композиционная цельность [22, с. 149, 153]. Варлам Шаламов отмечал, что всё в его рассказах связано (даже повторы), любое слово – там, где оно необходимо. У исследователей это отмечается на уровне цикла как циклизация. Действительно, при анализе одного аспекта новой прозы или отдельного мотива из организации цикла за ним в тесной связи следуют другие символы, образы и мотивы.

В год начала работы над циклом В. Т. Шаламов пишет: «Воспоминания – вечны, их воскрешает память» [21]. Он актуализирует тему памяти: рассказы написаны для того, чтобы воспоминания, воскрешенные памятью, были прочтены и не забыты. Двумя первыми рассказами («Тропа» и «Графит») писатель не прямо, но отвечает читателю на вопрос – зачем пишет этот цикл: чтобы запечатлеть всё случившееся графитом и сохранить память о людях, напомнить, что даже в братских могилах сохраняются бирки с именами, которые подписаны нетленным, как и сами тела мертвых, простым графитным карандашом. И в последнем рассказе («Воскрешение лиственницы») опять возникают мотивы памяти, воскрешения, творчества, чуда и мотив живое/мертвое. А. С. Богданенков и А. Е. Оксенчук рассматривают воскрешение как концептуальную мета-метафору, интертекстуально связанную с базовой протоситуацией религиозно-христианского дискурса – воскрешением Христа [3].

Мотив памяти является ключевым в цикле с точки зрения рефлексивности творчества. Писатель вспоминает и интерпретирует свой прошлый опыт, память становится основой, ключом к восприятию. Герой возвращается из ада и создает рассказы как документ памяти о пережитом на собственном опыте. Сам факт творчества писателя становится подтверждением его постулатов и преодолением экзистенциального опыта. По мысли Е. Михайлик, новая проза образует зону билингвизма, обеспечивающего контакт между несовместимыми мирами, транслирует распад через распад – и свободу через свободу [13].

5. Отказ от дидактизма. «Как и мемуаристы, писатели новой прозы не должны ставить себя выше всех, умнее всех, претендовать на роль судьи» [22, с. 151]. О жизненно важных темах «должно быть рассказано ровно, без декламации» [22, с. 152]. В эссе «О прозе» писатель утверждает главную потребность в новой прозе именно у читателей, которым нужна правда, которым надоело читать нравоучительные рассказы о том, как надо правильно жить. Теперь людям требуется реальность, и они верят в документ. Как свидетель реальных событий он имеет право судить, но не прибегает к этому в своих рас-

сказах прямо, только художественно. Именно сами рассказы, факт их написания и издания – вердикт времени и людям.

6. Связь жизни и литературы (искусства, культуры) является последним принципом, выделенным с опорой на эссе «О прозе». В. Т. Шаламов отмечал, что в XX в. литература и реальность связаны теснее, чем когда-либо, так как «любые сказки, любые мифы встречаются в живой жизни» [22, с. 149]. По В. Т. Шаламову, одна из задач писателя – «перекинуть мост» через «зияющую пропасть между жизнью и литературой» [22, с. 144].

Творчество становится определяющим вектором для главного героя и для самого писателя, переживающего лагерный период своей жизни с помощью его воплощения на бумаге. В «Воскрешении лиственницы» только люди творческие, создающие нечто новое, оказываются способны сопротивляться разрушению. К тому же в центре повествования оказываются образованные люди, интеллигенты, что влечет за собой определенные отсылки и связи.

Этот принцип неразрывно связан с интертекстуальностью, которая пронизывает весь цикл. Например, в рассказе «Марсель Пруст» (о том, как украли книгу М. Пруста «Германт») дается литературный анализ, характеристика литературы: «Кто будет читать эту странную прозу, почти невесомую, как бы готовую к полету в космос, где сдвинуты, смещены все масштабы, где нет большого и малого? Перед памятью, как перед смертью, – все равны, и право автора запомнить платье прислуги и забыть драгоценности госпожи. Горизонты словесного искусства раздвинуты этим романом необычайно» [20, с. 139]. Фрагмент показывает нам одновременно и самого героя (интеллигента), способного оценить творчество другого писателя, и метод постоянного взаимопроникновения литературы в жизнь, а также связь мотивов памяти и творчества. В этом же рассказе возникает имя Джека Лондона. В цикле встречается множество отсылок к разным писателям: А. Данте, Ф. М. Достоевскому, Гомеру, Э. Ростану, В. В. Маяковскому, Л. Н. Толстому, А. П. Чехову и т. д., что создает новые смыслы и надстройки через интертекстуальность. Ярким примером абсурдного воплощения литературного сюжета в жизнь является рассказ «Боль».

Схожесть рассказа «Марсель Пруст» и романа «В поисках утраченного времени» М. Пруста проанализировал А. Н. Таганов, отметив построение на перебивке временных пластов («по прустовскому рецепту»), значимость материальных объектов для В. Т. Шаламова, которые часто являются хранителями «пластов прошлого, важных моментов личностного бытия» [19, с. 325]. В итоге материальный объект – книга Пруста – «приобретает здесь особый художественно-функциональный статус: она – лишь предлог для восстановления через воспоминания "внутренней жизни" рассказчика» [19, с. 325], что значимо и показательно для принципа связи жизни и литературы через культурный объект.

К выделенным шести принципам мы хотим присоединить еще один, отмечаемый исследователями и характерный для цикла «Воскрешение лиственницы», т. к. не раз находит в нем отражение, например, в рассказах «Тишина», «Термометр Гришки Логуна», «Марсель Пруст», «Боль» и др.

7. Прием *анти-катарсис* [15], пуант [8]. В целом можно определить этот прием как столкновение привычной нормы, морали (характерных для культурного общества) и нормы лагерной, нормы абсурда реальности. *Анти-катарсис* связан с эффектом присутствия (и героя, и читателя), т. к. заставляет читателя испытывать эмоции – неловкость и стыд за героя, некоторое непонимание, диссонанс между важностью такого события, как смерть, и обыденными мыслями героя, не способного в тот момент осознать эту важность. Рассказчик даже в какой-то степени радуется, что событие произошло не с ним, или даже находит плюсы в этом. По выражению Е. Михайлик, В. Т. Шаламов превращает читателя в со-свидетеля, в со-ответственного, в со-временника [13].

Для понимания приведем пример из уже упомянутого рассказа «Марсель Пруст»: «У меня родилась двойня. Не жильцы были. Умерли.

– Дети умерли? Это твое счастье, Нина.

– Да. Теперь я вольная птица» [20; с. 141–142].

Мы видим здесь несоответствие обычным моральным критериям, которые у читателя вызывают эмоции (возмущение, боль, ужас), но в абсурде лагеря – реальность, норма. Пуант также является структурной основой новеллы (как жанровой

доминанты новой прозы, эстетическим ядром «Колымских рассказов»), ее кульминацией [18].

Для демонстрации выделенных принципов новой прозы рассмотрим подробнее рассказ «Тишина». Уже само название как деталь-символ указывает на один из принципов, т. к. рассказ не про тишину, но эта деталь, это состояние становится главным для героя. Принцип достоверности отражается в сюжете рассказа на реальном прииске «Партизан». Сюжет рассказа полностью завершен как отдельная история и связан с экспериментом, проводимым новым начальником, старшим воспитателем, логика которого проста и опирается на правила гуманизма А. С. Макаренко: чтобы отстающая бригада лучше работала, нужно ее больше кормить, и они начнут давать план. Подробно описан сам прием пищи – чудесный и не ожидаемый доходягами, к числу которых принадлежит и главный герой, и его напарник, и вся бригада, частью которой они являются.

Главный герой – изможденный до крайности человек, у которого не осталось никаких чувств, кроме ненависти. Его состояние можно проиллюстрировать через описание рассказчиком людей как предметов, он называет их «полутрупам», и далее низводит человека до одной детали – «комоч рваного бушлата» [20, с. 113]. И только напрягшись, может вспомнить, что за каждым из них – личность с его историей. Мы видим сознание, обессиленное голодом и нечеловеческими условиями существования. Его напарник – сектант, который надоед всем, он бесконечно поет какие-то гимны, псалмы, стихи. Холод и голод вызывают неприязнь и ненависть ко всему. Возмущение от несправедливости жизни выражается через ненависть к надоедливому сектанту. Принцип психологизма раскрывается в восприятии героем действительности. Эксперимент (единичный), проведенный новым воспитателем, провалился: дополнительный паек привел лишь к самоубийству сектанта, еда дала ему силы на смерть, силы отойти и быть застреленным. Финал «Тишины» обнажает нечеловеческие изменения в человеке. Рассказчик рад смерти сектанта. Смерть другого дает возможность рассказчику обрести индивидуальный покой, наступившая в бараке тишина (не-

кому больше петь псалмы и гимны) – тот минимальный комфорт, что еще может себе позволить раб и заключенный, даже ценой жизни другого.

Рассказ завершается двумя абзацами, в предпоследнем описывается, как на героя сходит озарение, понимание, почему сектант совершил самоубийство: «И, холодея от догадки, я понял, что этот ночной обед дал силы сектанту для самоубийства. Это была та порция каши, которой не доставало моему напарнику, чтобы решиться умереть, – иногда человеку надо спешить, чтобы не потерять воли на смерть» [20; с. 118–119]. А затем после этой вспышки рефлексии (и одновременно признака его культурности) сразу идет развенчание обыденностью: «Как всегда, мы окружили печку. Только гимнов сегодня некому было петь. И, пожалуй, я даже был рад, что теперь – тишина» [20, с. 119].

Состояние рассказчика (радуется тишине) вскрывает прием *анти*-катарсис. Рассказчик не переживает момент смерти, она и так обыденна для героев лагерной прозы. В заглавие вынесено состояние главного героя, желаемое следствие, хотя за этим стоит смерть человека. Но мозг лагерника затуманен заботами, которые на первом плане (тепло, еда, сон и т. д.), поэтому все, что дальше этого, не воспринимается здесь и сейчас, а лишь может быть отрефлексировано потом рассказчиком, когда он пишет об этом, но не героем. В этом отражен и принцип психологизма: в лагере смешиваются понятия духовные и физические, т. к. голод ослабляет волю человека, и духовных сил оказывается недостаточно для поддержания в себе морали и человеческих качеств.

В рассказе мы также видим и отсылку к А. С. Макаренку, которая демонстрирует сразу два принципа – и отказ от дидактизма, и культурный контекст. Возможно, педагог упоминается как горькая насмешка, ирония пишущего: о каких методах воспитания и взывания к совести, морали или тем более культурности может идти речь, если у людей уже нет этой культурной надстройки. Если, по пирамиде А. Маслоу, не удовлетворена даже первая ступень – удовлетворение физиологических потребностей, то можно не вспоминать и вторую – о безопасности и отсутствии страха.

Обсуждение и выводы

Метод новой прозы В. Т. Шаламова представляет в произведении крайнюю близость к обыденному, к себе лично как физическому Я, к физическим первостепенным нуждам. Разум в таких экзистенциальных условиях способен на осознание лишь самых необходимых потребностей, а чувства – сострадание, любовь – уходят постепенно даже не на второй план, а вообще отсекаются в сознании героя лагерной прозы. По сути, показывая читателю абсурд происходящего, низость падения человека, писатель призывает понять, что это неотвратимо в подобных условиях. Принципы новой прозы (теория В. Т. Шаламова) воплотились в цикле «Воскрешение лиственницы», своим методом писатель приближается в некотором смысле и к мемуарам, и к воспоминаниям, и к документальным очеркам. Но все-таки его рассказы остаются художественными произведениями, выполненными в его особом авторском стиле, совместившем эффект присутствия личного документа и его психологическое переживание через автобиографическое повествование. Особенность эстетики новой прозы состоит в значимой роли рефлексии (рефлексии писателя, что также связано с мотивами творчества и слова): факты показаны через призму восприятия, что в перспективе исследования выводит анализ его творчества на метатекстовый уровень.

Список литературы

1. Антипов А. А. Жанровая диалектика «Колымских рассказов» В. Т. Шаламова // Э. М. Ремарк и лагерная литература: сб. научных статей. – Магадан: Кордис, 2003. – С. 35–45.
2. Артамошкина Л. Е. «Пределный опыт» и эстетика «новой прозы» // EINAL: Философия. Религия. Культура. – 2017. – Т. 6, № 1. – С. 67–77.
3. Богданенков А. С., Оксенчук А. Е. Специфика развёртывания концептуальной метафоры «воскрешение» в рассказе В. Шаламова «Воскрешение лиственницы» // Ученые записки УО ВГУ им. П. М. Машерова. – 2022. – Т. 36. – С. 95–101.
4. Волкова Е. В. Цельность и вариативность книг-циклов // Шаламовский сборник. Вып. 2: сб. научных статей. – Вологда: Грифон, 1997. – С. 130–157.
5. Ганущак Н. В., Цветкова М. В. Варлам Шаламов: «Я летописец собственной души, не более» // Литература в школе. – 2018. – № 8. – С. 17–21.
6. Горбачевский Ч. А. Творческий метод В. Т. Шаламова глазами узников-колымчан // Новый филологический вестник. – 2017. – № 3. – С. 172–184. DOI: 10.24411/2072-9316-2017-00006.

7. Грицаенко Д. В. Варлам Шаламов – «лагерная» или «новая» проза // Шаламов глазами молодых. Материалы международной молодежной научной конференции «Я различаю – где добро, где зло», посвященной творчеству В. Т. Шаламова. – Вологда: Сад-огород, 2021. – С. 29–38.
8. Джагалов Р. Варлам Шаламов и пути советского экзистенциализма // К столетию со дня рождения Варлама Шаламова. Материалы международной научной конференции. – М.: [б. и.], 2007. – С. 55–72.
9. Есипов В. В. Об историзме «Колымских рассказов» // Варлам Шаламов в контексте мировой литературы и советской истории: сб. научных статей. – М.: Литера, 2013. – С. 131–140.
10. Есипов В. В. Предисловие // Шаламов В. Т. Вишера: рассказы, очерки, стихи. – Пермь: ИП Худяков С. А., 2021. – С. 5–34.
11. Зайцева А. Р. Документальный реализм В. Шаламова // Язык и культура (Новосибирск). – 2013. – № 9. – С. 165–169.
12. Золотоносов М. А. Последствия Шаламова // Шаламовский сборник. – Вологда: ПФ Полиграфист, 1994. – Вып. 1: сб. научных статей. – С. 176–182.
13. Михайлик Е. «Колымские рассказы» – зона двуязычия // Закон сопротивления распаду. Особенности прозы и поэзии Варлама Шаламова и их восприятие в начале XXI века: сб. научных трудов. – Прага: Нац. б-ка Чешской Республики – Славянская б-ка; М.: Веб-сайт Shalakov.ru, 2017. – С. 53–66.
14. Михайлик Е. Незамеченная революция // Антропология революции: сб. научных статей. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – С. 178–204.
15. Михеев М. Ю. О «новой» прозе Варлама Шаламова // Вопросы литературы. – 2011. – № 4. – С. 183–214.
16. Римский В. П., Римская О. Н. Философская проза Варлама Шаламова // Наука. Искусство. Культура. – 2020. – № 4. – С. 45–63.
17. Соловьев С. М. Неизбежность одиночества. Варлам Шаламов и идеологическая традиция // Человек. – 2012. – № 3. – С. 140–148.
18. Сухих И. Н. «Новая проза» Варлама Шаламова: теория и практика // Варлам Шаламов в контексте мировой литературы и советской истории: сб. научных статей. – М.: Литера, 2013. – С. 222–227.
19. Таганов А. Н. Марсель Пруст и проблема «внутреннего человека» в русской литературе // Статьи о французской литературе: сб. научных статей. – М.: Литфакт, 2022. – С. 317–330.
20. Шаламов В. Т. Воскрешение лиственницы // Шаламов В. Т. Собрание сочинений: в 6 т. + т. 7, доп. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. – Т. 2: Очерки преступного мира; Воскрешение лиственницы; Перчатка, или КР-2; Анна Ивановна: Пьеса. – С. 105–280.
21. Шаламов В. Т. Новая книга: Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела. – М.: Эксмо, 2004. – 1072 с.
22. Шаламов В. Т. О прозе // Шаламов В. Т. Собрание сочинений: в 6 т. + т. 7, доп. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. – Т. 5: Эссе и заметки; Записные книжки 1954–1979 гг. – С. 144–157.
23. Шаламов В. Т. «О <новой> прозе» // Шаламов В. Т. Собрание сочинений: в 6 т. + т. 7, доп. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. – Т. 5: Эссе и заметки; Записные книжки 1954–1979 гг. – С. 157–160.
24. Chubarov I. Literature of Fact and the Left Movement. Sergei Treťiakov, Walter Benjamin and Varlam Shalakov // Russian literature. – 2019. – Vols. 103–105. – Pp. 305–321. DOI: 10.1016/j.ruslit.2019.04.013.

Lyudmila S. Starikova

Artistic Implementation of Principles of Varlam Shalamov's New Prose in the Cycle "The Resurrection of the Larch"

The research objective was to compare the principles of new prose outlined by V. T. Shalamov with their direct embodiment in the cycle "The Resurrection of the Larch". The essays "On Prose" (1965) and "On «New» Prose" (without year) and the cycle of stories "The Resurrection of the Larch" (1965–1967) served as the material. Methods: a comparative method with the inclusion of a hermeneutical approach for the interpretation of artistic images and motive structures. The main principles of the writer's new prose are outlined and commented on: authenticity; detail-symbol, detail-sign; depiction/study of new psychological patterns; plot completeness, compositional integrity; rejection of didacticism; connection between life and literature (art, culture); the anti-catharsis technique, poente. To demonstrate the highlighted principles of the new prose, the story "Silence" is considered in detail. It is concluded that all the principles of the new prose (V. T. Shalamov's theory) were implemented to one degree or another in the cycle "The Resurrection of the Larch" (practice), with his method the writer approaches, in a sense, both memoirs, memoirs, and documentaries. essays. But his stories remain works of art, made in his special authorial style, combining the effect of the presence of a personal document and his psychological experience through an autobiographical narrative.

Key words: principles of new prose, camp prose, creative method, psychologism, documentary, Varlam Shalamov, in the cycle "The Resurrection of the Larch".

For citation: Starikova, L. S. (2023) Khudozhestvennoe voploshhenie principov novoj prozy V. Shalamova v cikle "Voskreshenie listvennitsy" [Artistic Implementation of Principles of Varlam Shalamov's New Prose in the Cycle "The Resurrection of the Larch"]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 3. Pp. 44–59. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2023_3_44. EDN: JYLSHK

References

1. Antipov, A. A. (2003) Zhanrovaya dialektika «Kolymskikh rasskazov» V. T. Shalamova [Genre dialectics of "Kolyma stories" by V. T. Shalamov]. *Eh. M. Remark i lagernaya literatura* [E. M. Remarque and camp literature]. Magadan: Kordis Publ. Pp. 35–45. (In Russian).
2. Artamoshkina, L. E. (2017) «Predel'nyj opyt» i ehstetika «novoj prozy» [“Ultimate experience” and aesthetics of “new prose”]. *EINAI: Filosofija. Religija. Kul'tura – EINAI: Philosophy. Religion. Culture*. Vol. 6. No. 1. Pp. 67–77. (In Russian).
3. Bogdanenkov, A. S., Oksenchuk, A. E. (2022) Specifika razvjortyvanija konceptual'noj metametafory «voskreshenie» v rasskaze V. Shalamova «Voskreshenie listvennitsy» [The specificity of the explication of the conceptual meta-metaphor of resurrection in V. Shalamov's story "The Resurrection of the Larch"]. *Uchenye zapiski UO VGU im. P. M. Masherova – Scientific notes of the UO VSU n.a. P. M. Masherova*. Vol. 36. Pp. 95–101. (In Russian).
4. Volkova, E. V. (1997) Cel'nost' i variativnost' knig-ciklov [Integrity and variability of books-cycles]. *Shalamovskij sbornik*. Vyp. 2 [Shalamovsky collection. Issue 2]. Vologda: Grifon Publ. Pp. 130–157. (In Russian).
5. Ganushhak, N. V., Tsvetkova, M. V. (2018) Varlam Shalamov: «Ja letopisec sobstvennoj dushi, ne bolee» [Varlam Shalamov: "I am a chronicler of my own soul, no more"]. *Literatura v shkole – Literature at school*. No. 8. Pp. 17–21. (In Russian).

6. Gorbachevsky, Ch. A. (2017) Tvorcheskij metod V. T. Shalamova glazami uznikov-kolymchan [Varlam T. Shalamov and His Creative Method in Kolyma Convicts Interpretations]. *Novyj filologicheskij vestnik – New Philological Bulletin*. No. 3. Pp. 172–184. DOI: 10.24411/2072-9316-2017-00006. (In Russian).

7. Gricenko, D. V. (2021) Varlam Shalamov – «lagernaja» ili «novaja» proza [Varlam Shalamov – “camp” or “new” prose]. *Shalamov glazami molodykh* [Shalamov through the eyes of the young. Proceedings of the international scientific conference]. Vologda: Sad-ogorod Publ. Pp. 29–38. (In Russian).

8. Dzhagalov, R. (2007) Varlam Shalamov i puti sovjetskogo ehkzistencializma [Varlam Shalamov and the ways of Soviet existentialism]. *K stoletiju so dnja rozhdenija Varlama Shalamova* [On the centenary of the birth of Varlam Shalamov. Proceedings of the international scientific conference]. Moscow. Pp. 55–72. (In Russian).

9. Esipov, V. V. (2013) Ob istorizme «Kolymskih rasskazov» [On the historicism of the Kolyma stories]. *Varlam Shalamov v kontekste mirovoj literatury i sovjetskoj istorii* [Varlam Shalamov in the context of world literature and Soviet history]. Moscow: Litera Publ. Pp. 131–140. (In Russian).

10. Esipov, V. V. (2021) Predislovie [Preface] Shalamov, V. T. *Vishera: rasskazy, ocherki, stikhi* [Vishera: stories, essays, poems]. Perm: Khudjakov S. A. Publ. Pp. 5–34. (In Russian).

11. Zajceva, A. R. (2013) Dokumental'nyj realizm V. Shalamova [Documentary realism of V. Shalamov]. *Jazyk i kul'tura (Novosibirsk) – Language and Culture (Novosibirsk)*. No. 9. Pp. 165–169. (In Russian).

12. Zolotonosov, M. A. (1994) Posledstvija Shalamova [Shalamov's Consequences]. *Shalamovskij sbornik. Vyp. 1* [Shalamov Collection. Issue 1]. Vologda: PF Poligrafist Publ. Pp. 176–182. (In Russian).

13. Mikhailik, E. (2017) «Kolymskie rasskazy» – zona dvujazyčija [“Kolyma stories” – a zone of bilingualism]. *Zakon soprotivlenija raspadu. Osobnosti prozy i poehzii Varlama Shalamova i ikh vosprijatie v nachale XXI veka* [Law of resistance to decay. Features of the prose and poetry of Varlam Shalamov and their perception at the beginning of the 21st century]. Praga: National Library of the Czech Republic – Slavic Library Publ.; Moscow: Website Shalamov.ru Publ. Pp. 53–66. (In Russian).

14. Mikhailik, E. (2009) Nezamečennaja revoljucija [Unnoticed revolution]. *Antropologija revoljucii* [Anthropology of the revolution]. Moscow: New Literary Observer Publ. Pp. 178–204. (In Russian).

15. Mikheev, M. Y. (2011) O «novoj» proze Varlama Shalamova [On the “new” prose of Varlam Shalamov]. *Voprosy literatury – Questions of Literature*. No. 4. Pp. 183–214. (In Russian).

16. Rimsky, V. P., Rimskaya, O. N. (2020) Filozofskaja proza Varlama Shalamova [The philosophical prose of Varlam Shalamov]. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura – The science. Art. Culture*. No. 4. Pp. 45–63. (In Russian).

17. Soloviev, S. M. (2012) Neizbežnost' odinočestva. Varlam Shalamov i ideologičeskaja tradicija [The loneliness inevitable: Varlam Shalamov and the ideology tradition]. *Chelovek – Human*. No. 3. Pp. 140–148. (In Russian).

18. Sukhikh, I. N. (2013) «Novaja proza» Varlama Shalamova: teorija i praktika [“New prose” by Varlam Shalamov: theory and practice]. *Varlam Shalamov v kontekste mirovoj literatury i sovjetskoj istorii* [Varlam Shalamov in the context of world literature and Soviet history]. Moscow: Litera Publ. Pp. 222–227. (In Russian).

19. Taganov, A. N. (2022) Marsel' Prust i problema «vnutrennego čeloveka» v rusškoj literature [Marcel Proust and the problem of the “inner man” in Russian literature]. *Stat'i o francuzskoj literature* [Articles on French literature]. Moscow: Litfakt Publ. Pp. 317–330. (In Russian).

20. Shalamov, V. T. (2013) Voskreshenie listvennicy [The Resurrection of the Larch] Shalamov, V. T. *Sobranie sočinenij: v 6 t. + t. 7, dop. T. 2: Očerki prestupnogo mira; Voskreshenie listvennicy; Perchatka, ili KR-2; Anna Ivanovna: Pesa* [Collected works: in 6 volumes + v. 7, add. Vol. 2: Essays on the underworld; Resurrection of larch; Glove, or KR-2; Anna Ivanovna: A play]. Moscow: Knizhnyj Klub Knigovek Publ. Pp. 105–280. (In Russian).

21. Shalamov, V. T. (2004) *Novaja kniga: Vospominanija. Zapisnye knizhki. Perepiska. Sledstvennye dela* [New book: Memoirs. Notebooks. Correspondence. Investigative cases]. Moscow: Eksmo Publ. (In Russian).

22. Shalamov, V. T. (2013) O proze [About prose] Shalamov, V. T. *Sobranie sochinenij: v 6 t. + t. 7, dop. T. 5: Ehsse i zametki; Zapisnye knizhki 1954–1979 gg.* [Collected works: in 6 volumes + v. 7, add. Vol. 5: Essays and notes; Notebooks 1954–1979]. Moscow: Knizhnyj Klub Knigovek Publ. Pp. 144–157. (In Russian).

23. Shalamov, V. T. (2013) «O <novoj> proze» ["On <new> prose"] Shalamov, V. T. *Sobranie sochinenij: v 6 t. + t. 7, dop. T. 5: Ehsse i zametki; Zapisnye knizhki 1954–1979 gg.* [Collected works: in 6 volumes + v. 7, add. Vol. 5: Essays and notes; Notebooks 1954–1979]. Moscow: Knizhnyj Klub Knigovek Publ. Pp. 157–160. (In Russian).

24. Chubarov, I. (2019) Literature of Fact and the Left Movement. Sergei Tret'jakov, Walter Benjamin and Varlam Shalamov. *Russkaja literatura – Russian literature*. Vols. 103–105. Pp. 305–321. DOI: 10.1016/j.ruslit.2019.04.013.

дата получения: 05.07.2023 г.
дата принятия: 15.07.2023 г.
дата публикации: 30.09.2023 г.

date of receiving: 05 July 2023
date of acceptance: 15 July 2023
date of publication: 30 September 2023